

Ш. Дзедзисашвили, С. Калашиани, И. Габриадзе, Р. Берадзе,
& М. Эджибия, *Connections QJ* 19, № 4 (2020): 45-67
<https://doi.org/10.11610/Connections.19.4.03>

Рецензированная статья

Российский экономический след и его влияние на демократические институты в Грузии

Шалва Дзедзисашвили,¹ Сузана Калашиани,² Ираклий Габриадзе,¹ Резо Берадзе и Мириан Эджибия

¹ *Университет Грузии, <https://www.ug.edu.ge/en>*

² *Международная школа экономики при Тбилисском государственном университете, <https://iset.tsu.ge/>*

Резюме: В данной статье заново рассматривается пресловутая концепция «Энергетической Империи», сформулированная Анатолием Чубайсом, и делается попытка выявить инструменты и способы экономического влияния России в Грузии, которые приводят к формированию так называемого российского экономического следа в Грузии, который, в свою очередь, эффективно используется Кремлем в качестве мощного инструмента для злонамеренного политического влияния и давления. Проблема во многом связана со способностью молодых и хрупких демократий создавать устойчивые политические системы и институты, сдерживать давление и поддерживать необратимый процесс демократических преобразований. Анализ основных секторов национальной экономики Грузии показывает критическую зависимость основных секторов от компаний, управляемых Россией, а также растущий совокупный вес влияния России на всю национальную экономику. Предварительные результаты отраслевого анализа дополняются регрессионной моделью, применяемой для проверки корреляции между динамикой демократического институционального развития и выбранной экономической переменной, то есть экспортом в Россию.

Ключевые слова: влияние России, экономический след, Грузия, политические институты, экономическая инфильтрация, захват государства.

Введение

В стремлении превратиться в глобальный центр силы и обеспечить господство на постсоветском пространстве, Россия применяет концепцию «ближнего зарубежья» или исключительной сферы влияния, которая нашла широкое признание в политической и экономической элите России задолго до установления режима Путина, когда в самом начале своего правления он играл с идеей дружеских отношений с Западом.¹

Концепция «энергетической империи», первоначально разработанная Анатолием Чубайсом, со временем превратилась в хорошо функционирующую модель, в которой торговля газом и нефтью приобрела не только экономическое, но и политическое значение и позволила Москве оказывать влияние в странах-получателях, извлекать выгоду из этого и проникать в другие секторы их национальной экономики.² Многочисленные исследования, проведенные в Европе, доказали, что усиление политического влияния было напрямую связано с явлением первоначального «позитивного экономического сотрудничества», превращавшегося в источник негативной и злонамеренной силы.³ Грузия, страна, переживающая бурные демократические преобразования, все еще далека от стабильных и устойчивых демократических институтов, способных продолжать политическое развитие и обеспечивать функциональную стабильность, несмотря на разрушительное внешнее вмешательство. Поэтому очень важно изучить и выявить экономические основы политического влияния России и его общие модели, которые, как было продемонстрировано во многих случаях, предполагают доминирование в ключевых секторах национальной экономики, через которое становится возможным проникнуть, «заразить» и ослабить политические институты, что в конечном итоге позволяет Кремлю оказывать значительное влияние (осуществлять захват государства) на процесс принятия по-

¹ Сергей Караганов, «Россия вынуждена защищать свои интересы железной рукой», *Россия в глобальной политике*, 3 июня 2014 г., <http://globalaffairs.ru/public/Rossiia-vynuzhdena-zaschischat-svoi-interesy-zheleznoi-rukoj-16460>; Эдуард Понарин и Борис Соколов, «Глобальная политика глазами российской элиты», *Россия в глобальной политике*, 11 ноября 2014 г., <https://globalaffairs.ru/articles/globalnaya-politika-glazami-rossijskoj-elity/>; Иван Крастев, «Чего и почему хочет Россия?» *Россия в глобальной политике*, 3 августа 2014 г., <https://globalaffairs.ru/articles/cto-hochet-rossiya-i-pochemu/>; Дмитрий Тренин, «Россия в СНГ: сфера интересов, а не сфера влияния», Московский Центр Карнеги, 9 февраля 2010 г., <https://carnegie.ru/proetcontra/?fa=40690>.

² Fiona Hill, *Oil, Gas and Russia's Revival* (London: The Foreign Policy Center, September 2004), 23, <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/20040930.pdf>; Анатолий Чубайс, «Миссия России в XXI веке», *Независимая газета*, 1 октября 2003 г., https://www.ng.ru/ideas/2003-10-01/1_mission.html.

³ Heather A. Conley, James Mina, Ruslan Stefanov, and Martin Vladimirov, *The Kremlin Playbook: Understanding Russian Influence in Central and Eastern Europe* (Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2016), v.

литических решений на национальном уровне (делая его более пророссийским). В конце концов, намеченные политические институты и сама система становятся похожими на российские, характеризующимися олигархическим правлением и упадком демократической культуры. Не следует забывать, что Грузия, страна, которая энергично стремилась к членству в ЕС и НАТО, постоянно сталкивается с необходимостью повышения своей институциональной устойчивости, при этом ЕС уделяет особое внимание диверсификации экономики и энергетическим секторам, а НАТО подчеркивает, что странам-партнерам необходимо повышать устойчивость институтов, способных противостоять внешнему давлению и принуждению.⁴

Это исследование направлено на достижение полного понимания сложности российского экономического следа в Грузии и его распределения среди основных секторов экономики. Будут определены ключевые экономические игроки (предприятия) в каждом секторе и будет рассмотрена их политическая и экономическая зависимость от России, что, будучи агрегированным по секторам, даст более широкую картину экономического влияния (следа) России в каждом секторе и национальном хозяйстве в целом. Кроме того, основные переменные экономического влияния России будут предметом корреляционного анализа с силой демократических институтов в попытке установить доказательства моделей взаимозависимости (большее влияние ведет к упадку демократических институтов).

Аналитическая модель и методология

Использование средств экономической экспансии в политических целях – устоявшаяся черта российской внешней политики. Поскольку между контролируемым государством и частным бизнесом, часто переплетающимися в России, мало различий, крупномасштабные прямые инвестиции за границу с высокой вероятностью скрывают за собой политические интересы государства. Помимо определения картины присутствия России в ряде секторов экономики через доли в оборотах, ВВП, экспорте и прямых инвестициях, мы более подробно рассмотрим природу и источники финансового капитала, структуру и форму собственности бизнеса в каждом соответствующем секторе. Из-за небольшого размера экономики Грузии в некоторых секторах наблюдается сильная тенденция к монополизации, что позволяет

⁴ European Commission, “Eastern Partnership – 20 Deliverables for 2020: Bringing Tangible Results for Citizens,” 2–3, accessed July 15, 2020, https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eap_deliverables_factsheet_2017.pdf; “Brussels Summit Declaration, Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11-12 July 2018,” *NATO Press Releases*, July 11, 2018, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm; “Warsaw Summit Communiqué, Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016,” *NATO Press Releases*, July 9, 2016, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm.

нескольким компаниям доминировать в целых секторах, диктовать «правила поведения» и, следовательно, прямо или косвенно оказывать влияние на политиков, связанных с деловой деятельностью в этих отраслях.

Таким образом, степень важности каждого сектора для национальной экономики будет оцениваться через показатели, основанные на его доле в национальном ВВП, занятости, прямых иностранных инвестициях (ПИИ) и экспорте. Кроме того, мы включаем в анализ такие экономические области, как энергетика, связь и транспорт, которые считаются критически важными из-за их стратегической значимости для Грузии, не в последнюю очередь с точки зрения безопасности. После определения агрегированного отраслевого индекса порог в 4 % указывает, заслуживает ли конкретный сектор дальнейшего исследования. Секторы с индексом выше 4 % составляют почти 80 % национальной экономики, тогда как восемь секторов с индексом ниже 4 % имеют лишь маргинальный эффект в 2,3 %. Поэтому только в секторах с рейтингом 4 % и выше крупные компании были включены в короткий список и разделены на две группы: Категория-1 и Категория-2. Компании с годовым доходом более 100 млн лари и стоимостью активов более 50 млн лари относились к первой категории, а компании с доходом от 20 до 100 млн лари и стоимостью активов от 10 до 50 млн лари ко второй. Затем компании из обеих категорий были помечены цветом: черный (сильное российское влияние), красный (частичный риск российского влияния) и зеленый (отсутствие российского влияния) в соответствии со степенью политического или финансового влияния России, оцениваемого на основе набора показателей, таких как российское гражданство (со)владельца, доступность и прозрачность деловой информации, источник финансового капитала, оффшорная регистрация и т.д. Доля «черных» и «красных» компаний в каждом секторе позволила оценить примерный масштаб российского следа, что впоследствии позволило сформировать всю картину экономического влияния России на макроэкономическом уровне, то есть на национальную экономику. Наконец, была введена регрессионная модель с возможностью отслеживать взаимозависимость экономических переменных российского влияния (таких как экспорт, прямые инвестиции и денежные переводы) с силой внутренних (в Грузии) демократических институтов, оцениваемых на основе показателей Freedom House и Всемирного банка.

Основные секторы экономики

Выявление основных секторов позволяет нам анализировать национальную экономику с макроэкономической точки зрения и определять истинный размер и акцент российского влияния на экономику Грузии.⁵ Из списка

⁵ “NACE Rev. 2 – Statistical Classification of Economic Activities,” Eurostat, доступ на 5 февраля 2020, <https://ec.europa.eu/eurostat/web/nace-rev2>; “Statistical Information,” National Service of Statistics, по состоянию на 8 сентября 2019, www.geostat.ge/ka.

14 секторов экономики первыми будут выбраны те, доля которых в национальном ВВП превышает 4 %, и добавив доли секторов в национальной занятости, ПИИ и экспорте, будет создан агрегированный отраслевой индекс, позволяющий получить гораздо больше детальное (зависящее от релевантности) ранжирование наиболее критических секторов.

При расчете агрегированного индекса применяется тот же порог в 4 % для рассматриваемых секторов, и он основан на данных за 2003–2018 годы. Результаты не являются неожиданными, так как производство, транспорт, торговля и строительство занимают лидирующие позиции во всех отношениях. Соответственно, следующий этап исследования направлен на измерение российского присутствия в ведущих секторах национальной экономики и вклада России в основные экономические показатели, такие как прямые иностранные инвестиции, экспорт и количество посетителей как основных движущих сил и индикаторов роста (или снижения) российского экономического влияния.

Российский след в экономике Грузии

В этом разделе более подробно рассматриваются несколько макроэкономических показателей, с помощью которых становится очевидной динамика и направление российской экономической деятельности в Грузии. К ним относятся размер и структура (секторальные получатели) прямых российских инвестиций. Кроме того, будут проанализированы характер и динамика грузинского экспорта в Россию, а также количество российских посетителей в Грузии, чтобы оценить степень уязвимости Грузии перед потрясениями, исходящими из России (например, политически мотивированное эмбарго).

Прямые иностранные инвестиции

Похоже, российские ПИИ следуют общей модели поведения (изменчивости) всех ПИИ, хотя с 2014 г. они демонстрируют общую тенденцию роста (фиг. 1). Следует отметить, что инвестиции, исходящие от офшорных компаний, составляют значительную долю от общего объема прямых иностранных инвестиций, и, следовательно, невозможно определить первоначальный источник. С большой долей вероятности, российские инвесторы активно используют офшорную деятельность для перемещения финансовых капиталов в Грузию, тем самым доводя реальный размер российских инвестиций до гораздо более высокой отметки.

Распределение по отраслям российских инвестиций показано на фиг. 2, где видно, что наибольшему влиянию подверглись финансы (27 %), производство (17 %), транспорт и связь (8 %) и недвижимость / строительство (8 %).

Таблица 1: Доля сектора и агрегированный индекс.

Доля сектора в ВВП	%	Доля сектора в экспорте	%	Доля сектора в ППИ	%	Агрегированный индекс	%
Оптовая и розничная торговля	19.4	Промышленное производство	43.8	Транспорт	23.2	Промышленное производство	19.3
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	11.8	Оптовая и розничная торговля	28.7	Электроснабжение, газ, пар и кондиционирование	13.0	Добыча полезных ископаемых и разработка карьеров	3.0
Промышленное производство	11.6	Транспорт	12.7	Промышленное производство	11.6	Торговля	17.2
Транспорт	9.4	Добыча полезных ископаемых и разработка карьеров	6.1	Финансовая и страховая деятельность	11.2	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	14.2
Строительство	9.1			Строительство	9.6	Транспорт и коммуникации	13.7
Здравоохранение и социальная работа	6.7			Операции с недвижимостью	9.2	Строительство	6.2
Операции с недвижимостью	6.3			Гостиницы и рестораны	6.9	Электроснабжение, газ, пар и кондиционирование	4.9
Образование	5.5					Финансовая и страховая деятельность	4.1
Другие услуги	5.0						

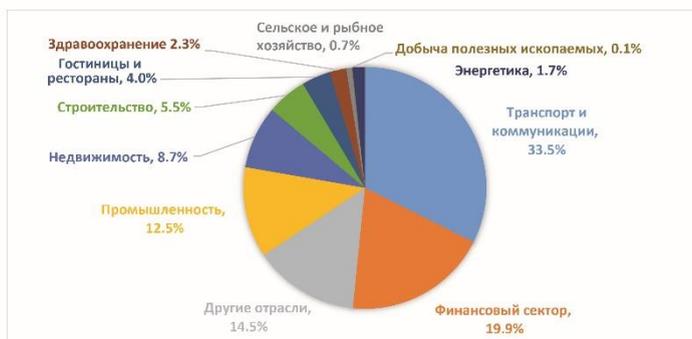

Фигура 1: Доля России в общем объеме прямых иностранных инвестиций в Грузии.

Фигура 2: Распределение российских ПИИ в Грузии по секторам (в 1000 долл. США).

Еще раз подчеркнем, что из-за широко распространенной практики инвестирования через офшорные компании доля отраслевого распределения реальных российских инвестиций может иметь совсем иную картину. Что касается среднего отраслевого распределения российских ПИИ в период с 2009 по 2017 год, на фиг. 3 показана аналогичная тенденция, когда самый большой кусок пирога занимают транспорт и связь (ТС), финансовый сектор, производство и недвижимость.

Фигура 3: Средняя доля в ПИИ (2009-2017).

Экспорт в Россию

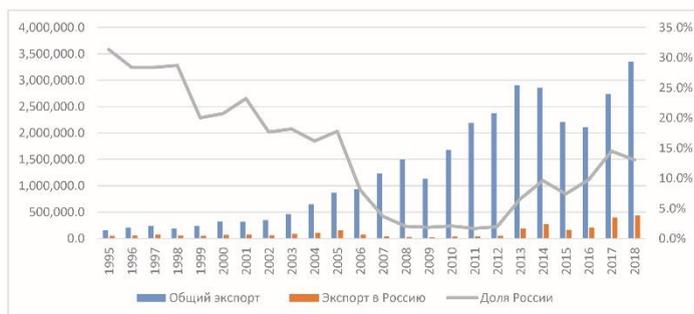
Как ясно видно из динамики экспорта в Россию (фиг. 4), Грузия снова приближается к точке, когда объемы экспорта достигли своего рекордного уровня (15 %), как и в 2006 году, когда Россия, руководствуясь политическими мотивами, запретила грузинские товары и ввела полное эмбарго. Нельзя исключать возможность подобных решительных действий с соответствующими тяжелыми последствиями для экономики Грузии.

Существует несколько секторов, которые доминируют в грузинском экспорте в Россию, а обрабатывающая промышленность (рост 48 %) и сельское хозяйство продемонстрировали исключительные темпы роста, заняв львиную долю в общем экспорте, как показывает статистика распределения экспортных секторов на фиг. 5.

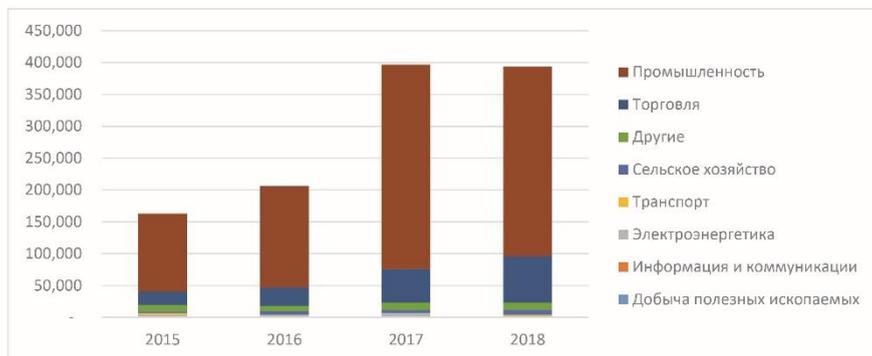
Гости из России – туризм

Растущая зависимость экономики Грузии, и в частности туризма, от российских гостей хорошо видна по устойчивому росту туристов с 8,1 % (доля от общего числа) в 2011 году до 19,5 % в 2018 году.

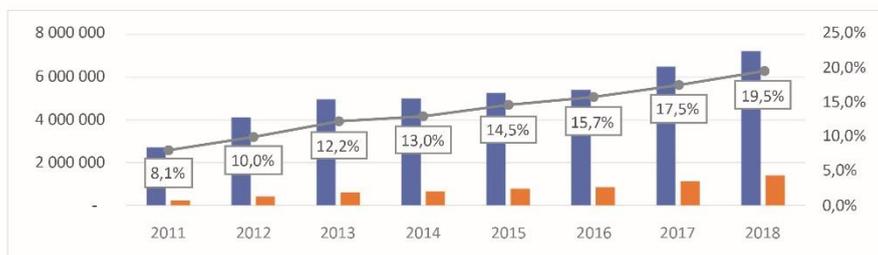
Учитывая высокую подверженность российского туризма политическим предпочтениям Кремля, то есть возможность туристического бойкота страны-мишени, Грузия определенно приближается к точке, после которой карательные меры России будут иметь серьезные негативные последствия для грузинской экономики. Ограничения на поездки, введенные после так называемой «ночи Гаврилова» в июне 2019 года, сильно ударили по туристическому сектору и еще раз подтвердили стандартную мудрость недоверия к России при открытии для экономического сотрудничества.

Фигура 4: Экспорт в Россию (тысячи долл. США).

Фигура 5: Экспорт в Россию по отраслям (2015-2018 гг., 1000 долл. США).

Фигура 6: Гости из-за границы (в т.ч. из России).

В заключение мы можем считать, что ключевые макроэкономические показатели грузинской экономики, такие как прямые иностранные инвестиции, экспорт и туризм, показывают неуклонно растущую экономическую зависимость от России. Официально отслеживаемые потоки финансового капитала из России направляются в основном в секторы транспорта и коммуникаций, финансов и обрабатывающей промышленности Грузии. Это довольно тревожно, поскольку сектор Т&К официально признан стратегически важным. Финансовый сектор до сих пор пользовался гораздо более высокой степенью «свободы действий» по сравнению с ужасными условиями российского финансового сектора, напрямую зависящими от политической доброй воли Кремля. Хотя доля грузинского экспорта в Россию в общих объемах экспорта достигла уровня 2006 года, абсолютное количество и объем товаров, экспортированных в Россию, намного превышают показатели 2006 года. Таким образом, риск повторного применения экономических санкций в политических целях становится еще больше, с гораздо большей вероятностью оказания политического давления и с большими опасениями негативных социально-экономических последствий для Грузии.

Анализ основных компаний, связанных с сектором

Очевидно, что ограниченный объем статьи не позволит охватить все действующие предприятия в Грузии и провести существенный, глубокий анализ, чтобы выявить финансовые источники, существующий контроль и сильно запутанные механизмы влияния в каждом секторе. Поэтому был выбран более ограниченный, но действенный подход путем выявления крупных компаний *Категории-1* и *Категории-2* в каждом секторе экономики.⁶

Компании, принадлежащие к *категории 1*, должны были соответствовать следующим критериям: годовой доход более 100 млн лари и стоимость активов более 50 млн лари. В *категорию 2* входят все компании с доходом от 20 до 100 млн лари и стоимостью активов от 10 до 50 млн лари. Небольшие предприятия были исключены из анализа, несмотря на их значительное количество, поскольку основное внимание уделялось компаниям, занимающим доминирующее положение в соответствующих секторах экономики. Таким образом, исследование может дать объективно ограниченную картину российского «следа» в крупных компаниях наиболее важных секторов национальной экономики. Тем не менее, в значительной степени результаты можно обобщить и считать действительными для остальных компаний, то есть для всего сектора. Во-вторых, компании из обеих категорий подверглись цветовому кодированию и были окрашены в черный цвет (сильное российское влияние), красный (риск или частичное российское влияние) и зеленый (отсутствие российского влияния) на основе набора показателей степени российского политического или финансового

⁶ "Useful Information," Service of Financial Accounting, Accountability, Monitoring and Audit," n.d., <https://saras.gov.ge/>.

влияния, включая российское гражданство (со)владельцев, доступность и прозрачность деловой информации, источник финансового капитала, оффшорную регистрацию и т.д. В конечном итоге цель этого раздела – рассчитать в процентных пунктах долю зависимых от России (черных и красных) компаний в основных секторах экономики, т.е. след России в национальной экономике.

Компании в 2017 году

Общее количество компаний в обеих категориях составляет 397 в Категории-1 и 312 в Категории-2 соответственно. Что касается товарооборота всей национальной экономики, то доля компаний обеих категорий в обороте составляет 37 %. Учитывая, что мы не включали в свой анализ более мелкие компании (категории 3 и 4), реальным оборотом компаний, «находящихся под влиянием России», следует считать не просто упомянутые 37 %, а гораздо более высокий процент. Из 397 компаний 110 (28 %) являются либо «черными», либо «красными». Это весьма тревожная цифра, указывающая на то, что почти треть крупных предприятий в Грузии, которые в той или иной степени находятся под влиянием России, дают 9,2 % от оборота национального бизнеса и в значительной степени доминируют в горнодобывающей (63,4 %), энергетической (36,6 %) и сельскохозяйственной (24,7 %) отраслях (см. Таблицу 2).

Таблица 2. «Черные» и «красные» компании в национальной экономике 2017.

Секторы: красные и черные	Число	Доход, 2017, тыс.	Оборот сектора 2017, тыс.	Доля
Оптовая и розничная торговля	40	3,402,388	32,816,300	10.4 %
Энергетика (электричество, газ, пар и вентиляция)	10	1,077,826	2,943,600	36.6 %
Промышленность	21	764,329	8,532,100	9.0 %
Добыча полезных ископаемых	2	425,717	671,400	63.4 %
Транспортировка и хранение	11	244,178	4,699,500	5.2 %
Информация и коммуникации	6	240,913	1,657,700	14.5 %
Строительство	7	219,768	7,051,200	3.1 %

Сельское, лесное и рыбное хозяйство	5	105,192	425,900	24.7 %
Деятельность в сфере недвижимости	8	101,187	1,090,900	9.3 %
Всего	110	6,581,498	71,740,300	9.2 %

51 из 397 (13 %) «черных» компаний категорий 1 и 2 дают 4,7 % от общего оборота бизнеса, в значительной степени доминируют в горнодобывающей промышленности (63,4 %) и энергетике (27,7 %), и имеют значительную долю присутствия в транспорте и строительстве (таблица 3).

Таблица 3. «Черные» компании в национальной экономике, 2017 г.

Секторы: черные	Число	Доход, 2017, тыс.	Оборот сектора 2017, тыс.	Доля
Оптовая и розничная торговля	16	1,331,814	32,816,300	4.1 %
Энергетика (электричество, газ, пар и вентиляция)	7	815,995	2,943,600	27.7 %
Промышленность	13	438,095	8,532,100	5.1 %
Добыча полезных ископаемых	2	425,717	671,400	63.4 %
Транспортировка и хранение	6	240,913	1,657,700	14.5 %
Информация и коммуникации	3	61,844	7,051,200	0.9 %
Строительство	2	58,196	425,900	13.7 %
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	2	24,863	1,090,900	2.3 %
Деятельность в сфере недвижимости			4,699,500	0.0 %
Всего	51	3,397,436	71,740,300	4.7 %

Компании в 2018

В 2018 году к Категории-1 или Категории-2 относились 414 компаний, что составляет 4 % роста по сравнению с 2017 годом. На их долю приходилось 34,2 % от общего оборота бизнеса (снижение на 2,8 %). Черные и красные компании (всего 114) дают 8,6 % от оборота национального бизнеса, что сопоставимо с данными 2017 года, хотя и с небольшим снижением (таблица 4). Черные компании (всего 55) составляют 4,5 % от общего оборота бизнеса и доминируют в горнодобывающем, энергетическом, транспортном и строительном секторах (таблица 5).

За период с 2017 по 2018 год в общей сложности 415 компаний были тщательно проверены, из которых 55 были закодированы как черные (полностью российское доминирование) и 59 как красные (подверженные риску или частично подверженные влиянию), что составляет 27,5 % от всех компаний 1-й и 2-й категорий (таблица 6).

Количество красных или черных компаний выросло со 110 в 2017 году до 114 в 2018 году. Из-за отсутствия информации об обороте в 2018 году для 34 крупных компаний из этого списка мы предполагаем, что средний уровень оборота будет таким же, как в 2017 году, и таким образом, их доля в общем обороте остается на уровне 9 % (Таблица 7).

Таблица 4. «Черные» и «красные» компании в национальной экономике, 2018.

Секторы: красные и черные	Число	Доход, 2018, тыс.	Оборот сектора 2018, тыс.	Доля
Оптовая и розничная торговля	42	4,052,831	37,409,500	10.8 %
Энергетика (электричество, газ, пар и вентиляция)	10	1,087,385	3,294,600	33.0 %
Промышленность	22	858,090	9,212,300	9.3 %
Добыча полезных ископаемых	3	453,276	7,171,300	6.3 %
Транспортировка и хранение	7	318,786	5,054,000	6.3 %
Информация и коммуникации	11	222,291	749,300	29.7 %
Строительство	6	214,555	1,275,300	16.8 %
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	8	132,136	446,900	29.6 %
Деятельность в сфере недвижимости	5	107,873	1,750,800	6.2 %
Всего	114	7,447,225	86,625,200	8.6 %

Таблица 5. «Черные» компании в национальной экономике, 2018.

Секторы: красные и черные	Число	Доход, тыс.	Оборот сектора, тыс.	Доля
Оптовая и розничная торговля	18	1,702,435	37,409,500	4.6 %
Энергетика (электричество, газ, пар и вентиляция)	7	879,467	3,294,600	26.7 %
Промышленность	14	491,109	9,212,300	5.3 %
Добыча полезных ископаемых	3	453,276	749,300	60.5 %
Транспортировка и хранение	6	214,555	1,750,800	12.3 %
Информация и коммуникации	3	79,879	7,171,300	1.1 %
Строительство	2	61,441	446,900	13.7 %
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	2	51,169	1,275,300	4.0 %
Деятельность в сфере недвижимости			5,054,000	0.0 %
Всего	55	3,933,331	86,625,200	4.5%

Таблица 6. Проверенные компании и отмеченные цветом.

Сектор	Зеленые	Красные	Черные	Всего
Деятельность, связанная с недвижимостью	13	6	2	21
Транспорт и хранение	22	11		33
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	3	3	2	8
Добыча полезных ископаемых	2		3	5
Оптовая и розничная торговля	125	24	18	167
Строительство	55	4	3	62
Информация и коммуникации	7		6	13
Энергетика (электричество, газ, пар и вентиляция)	14	3	7	24
Промышленность	60	8	14	82
Всего	301	59	55	415

Таблица 7. Изменение оборота красных и черных компаний по годам.

Секторы: красные и черные	Число 2017	Число 2018	Изменение	Доля 2017	Доля 2018	Изменение
Оптовая и розничная торговля	40	42	2	10.4 %	10.8 %	0.5 %
Энергетика (электричество, газ, пар и вентиляция)	10	10	0	36.6 %	33.0 %	-3.6 %
Промышленность	21	22	1	9.0 %	9.3 %	0.4 %
Добыча полезных ископаемых	2	11	9	63.4 %	29.7 %	-33.7 %
Транспортировка и хранение	11	7	-4	5.2 %	6.3 %	1.1 %
Информация и коммуникации	6	5	-1	14.5 %	6.2 %	-8.4 %
Строительство	7	3	-4	3.1 %	6.3 %	3.2 %
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	5	8	3	24.7 %	29.6 %	4.9 %
Деятельность в сфере недвижимости	8	6	-2	9.3 %	16.8 %	7.5 %
Всего	110	114	4	9.2 %	8.6 %	-0.6 %

Среди 100 крупнейших компаний-экспортеров в Россию 23 компании в 2017 году относились к категории 1 или 2. Из этих 23, девять компаний черного (7) или красного цвета (2), т. е. 39 %, и представляют исключительно производственный (розлив в бутылки) сектор экономики.

- Сама *обрабатывающая промышленность* относится к рискованному сектору из-за того, что 22 компании имеют черно-красную цветовую маркировку, что составляет почти 9 % от общего оборота в секторе;

- В секторе *оптовой торговли* в 2017 году находились 42 черные и красные компании с долей в соответствующем общем обороте 10,4 % (3,4 млрд лари);

- Хотя в *агропромышленном секторе* было выявлено всего пять черно-красных компаний (2017 г.), их доля в отраслевом обороте составила 24,7 %;

- *Энергетический сектор*, являющийся стратегическим сектором в Грузии, представлен десятью компаниями с черным или красным кодом, что составляет 36,6 % (1,1 млрд лари) от общего оборота сектора;

- В другом стратегически важном секторе – *информации и коммуникациях* – всего шесть черных или красных компаний. Однако их общая доля в отраслевом обороте составляет более 14 %. Интересно, что в сфере мобильной связи российский «Билайн» контролирует 23,9 % рынка, что является значительной долей с учетом короткого периода выхода на местный рынок.⁷

Компании, находящиеся под полным или частичным российским влиянием, прочно занимают 9 % грузинского бизнеса. На первый взгляд это число кажется довольно низким; тем не менее, поскольку мы включили в наш анализ лишь ограниченное число компаний (категории 1 и 2), а более мелкие компании с уверенностью могли бы выявить большое количество красных и черных компаний, реальное присутствие России может быть еще больше. Доминирование России демонстрирует значительную динамику роста, если принять во внимание ведущие секторы экономики, и уже приблизилось к тревожному порогу. В некоторых секторах доля российского следа намного больше, чем в среднем по стране, и часто представлена несколькими компаниями (например, две компании в энергетическом секторе, контролирующие 25 %, и две компании в сельском хозяйстве с 18 %). Более того, почти во всех доминирующих секторах компании, «находящиеся под влиянием России», пользуются исключительной ролью естественных монополий, тем самым диктуя ценовые условия и полностью контролируя «правила поведения» в этом секторе. Таким образом, можно согласиться с тем, что 9 % национального товарооборота, находящегося под контролем России, можно принять как граничную линию, за которой начинается зона тяжелой и опасной экономической зависимости.

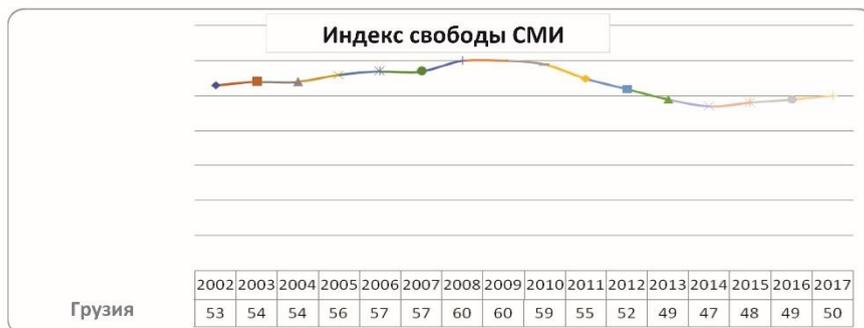
Анализ СМИ

Ввиду огромной важности свободных СМИ для общего развития демократической институциональной динамики, мы включаем краткий анализ медиа-сектора, его основных действующих субъектов и тенденций. Это позволяет нам понять глубину и серьезность политического влияния на сектор и установить связи с общей институциональной динамикой Грузии, часто движимой скрытыми и незаконными интересами определенных деловых или политических кругов.

По данным Freedom House, Грузия занимает лучшее место среди своих соседей в отношении свободы СМИ, с самым низким рейтингом в 2008 году

⁷ “Analytical Portal,” National Commission of Communication, n.d., <https://analytics.comcom.ge/>.

и лучшим в 2014 году (см. фиг. 7).⁸ Несмотря на это, с самым высоким показателем 47, Грузия по-прежнему отстает от стран Восточной Европы (индекс 30).

Фигура 7: Грузия в рейтинге индекса свободы СМИ.

В ходе анализа медиа-сектора нам удалось определить основных операторов теле- и радиовещания, их источники доходов, структуру собственности и динамику доли рынка в период с 2012 по 2018 год.⁹ На основе предварительной оценки распределения доходов рынка для дальнейшего анализа были отобраны все субъекты СМИ, достигающие более 2 % доли рынка СМИ.¹⁰ Из семи крупнейших телеканалов, компании *ТВ-Имеди*, которая напрямую связана с правящей партией и правительством, принадлежит 22,7 % медиарынка. Несмотря на то, что ей принадлежит менее 1 % рынка, еще одна телекомпания, *Media Union Objective*, была дополнительно выбрана из-за ее прямой и открытой деятельности, связанной с распространением российских нарративов и поддержкой пророссийских политических идей. Одним из ее основателей является генеральный секретарь пророссийской политической партии «Альянс патриотов» Ирма Инашвили. Доходы *Objective* росли в геометрической прогрессии с 2012 года (смена правительства в Грузии) по 2018 год со 134 000 лари до 1,9 млн лари, из которых 1,35 млн поступили от частных пожертвований. То же самое можно сказать и о радиовещании, где 11,6 % рынка принадлежит *Радио-Имеди*, а 0,4 % – *Радио-Объектив*. Что касается степени российского влияния, *ТВ-Имеди* было

⁸ “Georgia,” Freedom House, 2016, accessed July 29, 2020, <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2016/georgia>; “Georgia, Countries and Regions,” Reporters without Borders, n.d., <https://rsf.org/en/ranking>.

⁹ “Annual Reports,” National Commission of Communication, n.d., <https://comcom.ge/the-commission/annual-report>.

¹⁰ “Broadcasting – Media Incomes by Enterprises,” National Commission of Communication, May 28, 2020, <https://analytics.comcom.ge/ka/statistics-share/?c=broadcasting&sid=757292&f=revenue&exp=tv&sid=757293>.

классифицировано как «красное» из-за двойного (российского и британского) гражданства двух его владельцев, Ии Патарказшвили и Лианы Жмотовой. Другой игрок на медиарынке, MediaNetwork, получил ссуду от российского банка ВТБ в 2016 году, и поэтому также был обозначен как «красный».

Российский экономический след и демократические институты

В этом разделе представлена регрессионная модель, созданная для проверки зависимости демократического развития (институциональной силы) от российского экономического следа в Грузии. Мы будем использовать долю экспорта в Россию в общем экспорте в качестве ключевой объясняющей переменной, а силу демократических институтов и свободу СМИ в качестве зависимых переменных (фиг. 8). Для измерения свободы СМИ мы будем использовать критерий Freedom House,¹¹ а институциональную мощь – с помощью глобальных показателей качества управления Всемирного банка.¹²

- Гласность и подотчетность;
- Политическая стабильность;
- Эффективность управления;
- Качество нормативной базы;
- Верховенство закона;
- Борьба с коррупцией.

Фигура 8: Индекс свободы СМИ, институциональная устойчивость и экспорт в Россию.

¹¹ “Publication Archives,” Freedom of the Press, Freedom House, n.d., <https://freedomhouse.org/reports/publication-archives>.

¹² World Bank, “Worldwide Governance Indicators,” n.d., <https://info.worldbank.org/governance/wgi/>.

Как видно на фиг. 8, с 1996 года институциональное развитие в целом было положительным, за исключением видимого замедления в последние четыре года. Свобода средств массовой информации (прессы) также начала снижаться с 2015 года, а экспорт в Россию, близкий к нулю с 2006 по 2013 год, продемонстрировал быстрый рост на 13 % в 2018 году.

Выбранные институциональные переменные стандартизованы и варьируются от -2,5 до 2,5, причем более высокий результат указывает на лучшие институты. Чтобы измерить институциональную силу, мы рассчитали средний индекс всех шести факторов. Кроме того, шесть показателей были сгруппированы в три группы: первый и второй сформировали группу политических институтов; третий и четвертый определяли группу административных учреждений; а последние два касались юридических институтов. Что касается показателей свободы СМИ (прессы), мы использовали индекс Freedom House, который помещает страны в три уровня: уровень 1 для стран со свободными СМИ (с индексом от 0 до 30), уровень 2 для стран с частично свободными СМИ (от 31 до 60), и третий уровень стран без свободы СМИ (от 61 до 100).¹³

Применение регрессионной модели для проверки взаимосвязи между этими переменными дало следующие результаты. Регрессия в первом и втором столбцах включает в себя среднюю устойчивость институтов, как зависимую переменную и долю экспорта в Россию в общем экспорте, как управляющую переменную. Вторая регрессионная модель в строке 3 дополнительно включала ВВП с запаздыванием. Результаты регрессии указывают на отрицательную связь между экспортом в Россию и институциональным качеством. Регрессия в четвертой, пятой и шестой строках имеет в качестве зависимых переменных политические, административные и юридические институты. Как ясно видно, рост экспорта в России оказывает негативное влияние на административные и правовые институты и не влияет на политические институты. Что касается наличия свободы СМИ (прессы) в качестве зависимой переменной, шестой столбец не дает статистически значимой связи.

Следует отметить, что эта регрессионная модель имеет определенные ограничения, которые включают относительно небольшое количество наблюдений (23 для первых пяти зависимых переменных и 22 для шестой – свобода СМИ) и могут быть уравновешены большим периодом наблюдения и данными из других стран. Временные ряды и поперечные сечения позволяют генерировать панельные данные, которые повысят качество и достоверность полученных результатов.

¹³ "Publication Archives," Freedom House.

Заключение

Способность государства поддерживать эффективные институты, которые могут противостоять внешнему (российскому) давлению, и минимизировать влияние Кремля в политическом, институциональном и экономическом плане, является важнейшим признаком стран-кандидатов на членство в ЕС или НАТО. Наличие свободной, диверсифицированной и стабильной экономической системы – это конечная цель экономического измерения стремления Грузии согласовать с ЕС свою практику в юридических, торговых, энергетических и социальных вопросах. Для достижения этой цели представленное здесь исследование было направлено на проверку достоверности обязательств Грузии, в частности путем изучения моделей российского влияния на демократические институты Грузии посредством углубленного анализа экономического следа России в стране. Он проводился в несколько этапов.

Таблица 8. Регрессионная модель.

Переменные	Экспорт	Отложенный ВВП	Константа	R-квадрат
(1) Институты	-0.0420*** (0.00826)		0.290** (0.131)	0.552
(2) Институты	-0.00529** (0.00249)	0.000460*** (2.19e-05)	-1.367*** (0.0839)	0.980
(3) политические	0.00304 (0.00412)	0.000299*** (3.63e-05)	-1.292*** (0.139)	0.856
(4) административные	-0.0124** (0.00483)	0.000503*** (4.25e-05)	-1.085*** (0.163)	0.949
(5) правовые	-0.00656* (0.00376)	0.000577*** (3.31e-05)	-1.725*** (0.127)	0.972
(6) свободная пресса	-0.236 (0.177)	-0.00449** (0.00184)	68.11*** (6.590)	0.288

В скобках стандартная ошибка

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$

Первая цель заключалась в выявлении основных секторов экономики в стране и выявлении крупных компаний в каждом соответствующем секторе, полностью или частично подверженных влиянию России. Из восьми идентифицированных секторов (производство, торговля, сельское хозяйство, транспорт, связь, энергетика, строительство и финансы) российские финансовые вложения в основном направлялись в финансы, производство, строительство и связь. Однако следует напомнить, что статистика, показывающая ПИИ, охватывает лишь часть всех потоков российского капитала, инвестированного в Грузию, из-за возможности инвестиций через третьи

страны и офшорные компании. Как четко указано в Отчете о результатах за 2020 год, торговля с другими странами Восточного партнерства значительно сократилась из-за резких скачков продаж продукции российского производства в Грузии.¹⁴

Обработывающая промышленность на сегодняшний день является ведущей отраслью экспорта товаров в Россию. Серьезные вопросы возникают в связи с многочисленными проектами, запущенными в энергетическом секторе, поскольку они демонстрируют практически нулевую осуществимость и серьезные риски коррупции.¹⁵ Как и в 2006 году, Грузия подошла к моменту, когда возможность российского эмбарго может серьезно ударить по национальной экономике, вызвав разрушительные последствия и создав условия для усиления политического давления со стороны Кремля. Точно так же экспоненциальный рост гостей из России резко увеличил долю российских туристов в общем числе туристов, и все больше подвергает туристическую отрасль российскому бременю. Почти треть (114 из 415) крупных грузинских компаний полностью или частично демонстрируют связи с Россией и дают в среднем 9,2 % национального делового оборота. В некоторых секторах серьезность доминирования компаний, связанных с Россией, вызывает тревогу (горнодобывающая промышленность – 63,4 %, энергетика – 36,6 %, сельское хозяйство – 24,7 %). Другие секторы, имеющие стратегическое значение, такие как информация и связь, показывают постоянно растущую степень влияния (14,5 %). Разработанная регрессионная модель, которая связывает три категории государственных институтов (политические, административные и правовые) с экспортом в Россию и национальным ВВП, выявила четкую статистическую зависимость между увеличением экспорта и снижением институциональной силы в Грузии, при этом никакого статистического воздействия на свободу СМИ установлено не было.

Общий вывод, сделанный из исследования, заключается в том, что Грузия уже достигла точки сильной экономической зависимости от России, которая чрезмерно непропорционально влияет на несколько ключевых отраслей национальной экономики и продолжает расширяться в некоторых секторах, имеющих стратегическое значение. Российский след, находящийся на уровне 9 % от оборота национального бизнеса, уже является красной линией, и статистические модели, отражающие взаимосвязь между ростом российского экономического влияния и снижением институционального качества, четко подтверждают упомянутый порог. Еще многое предстоит сделать, чтобы обратить вспять эту тенденцию и вернуть Грузию на четкий путь

¹⁴ “Georgia’s Implementation of 20 Eastern Partnership Deliverables for 2020,” Assessment by Civil Society (Tbilisi: Georgian Institute of Politics, International Society for Fair Elections and Democracy, 2020), 49, <http://gip.ge/georgias-implementation-of-20-eastern-partnership-deliverables-for-2020/>.

¹⁵ “Georgia’s Implementation of 20 Eastern Partnership Deliverables for 2020,” 78–89.

минимизации российского следа, приложив заслуживающие доверия усилия по повышению устойчивости как в экономическом, так и в политическом измерениях.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами авторов и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 19, 2020, вышел при поддержке правительства США.

Об авторах

Шалва Дзедзисашвили получил докторскую степень в Институте европейских исследований (IEE-ULB, Брюссель) в январе 2016 года. В 2008–2009 годах он успешно окончил магистратуру по исследованиям в области стратегической безопасности в Национальном университете обороны в Вашингтоне, округ Колумбия, и впоследствии занял должность старшего гражданского представителя Министерства обороны Грузии (советник по обороне) при представительстве Грузии в НАТО. С 2003 по 2012 год и с 2016 по 2019 год он занимал различные руководящие должности, связанные с оборонной политикой и планированием, в Министерстве обороны Грузии. Он доцент и руководитель программы международных отношений и политологии в Университете Джорджии, член различных грузинских неправительственных организаций и аналитических центров, таких как Гражданский совет по обороне и безопасности (ГСОБ) и Грузинский Центр стратегического анализа (ГЦСА). E-mail: kartweli@yahoo.de

Резо Берадзе имеет степень магистра экономики Международной школы экономики в Тбилиси, Грузия (МШЭТ) и степень магистра финансовой математики Университета Сассекса. Он опытный финансовый аналитик и аналитик данных с доказанным опытом работы в государственном и частном секторах. В настоящее время он работает аналитиком данных в Национальном банке Грузии, работая над внедрением XBRL (расширяемого языка бизнес-отчетности) для финансового сектора Грузии. С 2016 года Резо активно работает преподавателем в различных грузинских университетах, преподает предметы, связанные с данными. Его исследовательские интересы лежат в области экономики развития, финансовой экономики и анализа данных.

Иракий Габриадзе – аспирант экономического факультета Тбилисского государственного университета. Его основные исследовательские интересы лежат в области экономики развития, экономического роста, стран с переходной экономикой, институтов и политической экономии. Недавно он стал главой отдела анализа, мониторинга и оценки в Enterprise Georgia. Также Иракий является приглашенным лектором по макроэкономике и статистике в Университете Грузии.

Сузана Калашиани имеет 12-летний опыт работы в сфере журналистики, социальных исследований и медиа-коммуникаций в Грузии, работая координатором проекта «Российский экономический след в Грузии и влияние на грузинские институты». Ранее она участвовала в различных проектах, направленных на борьбу с антизападной пропагандой в Грузии и повышению осведомленности об отношениях между ЕС, НАТО и Грузией.

Мириан Эджибия – выпускник Международной школы экономики в Тбилиси, Грузия (МШЭТ). Он приобрел обширный профессиональный опыт в области отчетности и финансового анализа, работая в Центре углубленной отчетности и экономического анализа. Он также приобрел большой опыт в области анализа данных и программ веб-приложений, и в настоящее время работает разработчиком полного цикла (ERP-системы) в BSC LLC.